
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

М. А. Черняк,

профессор кафедры новейшей русской литературы

«РОМАН САМОВЫРАЖЕНИЯ», ИЛИ НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ПО АКСЕНОВУ

Писатели-шестидесятники, которых петербургский писатель Валерий Попов иронически назвал «прогульщиками соцреализма»

(А. Солженицын, А. Вознесенский, В. Аксенов, В. Войнович, Ф. Искандер, Б. Ахмадулина и др.), ворвались в литературу во время оттепели 1960-х гг. и, почувствовав кратковременную свободу слова, стали символами своего времени. Позже их судьбы сложились по-разному, но интерес к их творчеству (где бы они ни жили) сохранялся постоянно. Сегодня — это признанные классики современной литературы, отличающиеся интонацией иронической ностальгии и приверженностью к мемуарному жанру. Критик М. Ремизова пишет об этом поколении так: «Характерными чертами этого поколения служит известная утрата и, как ни странно, какая-то вялая расслабленность, располагающая больше к созерцательности, нежели к активному действию и даже незначительному поступку. Их ритм — *moderato*. Их мысль — рефлексия. Их дух — ирония. Их крик — но они не кричат...»¹. Пожалуй, сегодня наиболее активным представителем этого поколения является Василий Аксенов. Он практически ежегодно публикует новые произведения, неизменно вызывая споры и дискуссии. Получив долгожданную Букеровскую премию 2004 года за роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки», Аксенов вскоре (по словам писателя, за восемь месяцев) написал новый роман «Москва-ква-ква».

Василий Аксенов называет «Москву-ква-ква» альтернативной историей, а направление, в котором работает, определяет как «псевдореализм». Семья Новотканых (засекреченный академик-физик Ксаверий Ксаверьевич, его жена Ариадна Рюрих и красавица-дочь, студентка МГУ Глика),

поэт Кирилл Смелчаков и «контр-адмирал» Жорж Моккинаки поселились в 1952 г. в только что построенной высотке на Котельнической набережной, на 18-м этаже, из окон которого видна вся Москва. Там же на антресолях жил Так Таковский (альтер-эго самого автора); когда Новотканые прятали его от милиции, куда в момент смертельной опасности приезжает Сталин. Сталинская империя предстает в зените своего могущества, а реальная Москва 1950-х гг. причудливо трансформируется в какой-то мифологический город. С одной стороны, главные герои живут в знаменитой сталинской высотке, гуляют, катаются на коньках в Парке культуры и ужинают в ресторане «Националь», а с другой — оказываются героями мифа о Минотавре, так как Смелчаков, в котором угадываются черты Константина Симонова и Ярослава Смелякова, сочиняет стихотворение про нить Ариадны, ставшее своеобразным «кодом Смелчакова».

Творческая манера писателя отличается тем, что в пределах одного произведения соединяются реальное и ирреальное, быденное и возвышенное. В. Аксенов всегда отказывался от принципа правдоподобия, предпочитая ему изображение «иллюзии действительности»; сами эти изменения были вызваны крепнувшим у него убеждением в том, что «действительность так абсурдна, что, употребляя метод абсурдизации и сюрреализма, писатель не вносит абсурда в свою литературу, а, наоборот, этим методом он как бы пытается гармонизировать разваливающуюся действительность».

«Вот шляжусь я в 1952-м таким мрачным чайльд-гарольдом вокруг высотного дома, саркастически наблюдаю все эти гранитные фигуры, колоннады и башенки с шишечками. Презираю от всей молодой души

стиль и роскошь сталинской аристократии. Интересно, что выступаю здесь как представитель какого-то другого стиля, а во все не человек нищеты. Ведь это молодость моя шлялась здесь и накручивала телефоны-автоматы по всей округе, ведь это наши мечтательные девушки росли в этих

домах; и презрение вдруг перерастает в приязнь», — это авторское признание очень симптоматично. Действительно, Аксенов презирает тех, о ком пишет. Сталинская высотка предстает неким отдельным замкнутым советским государством, в котором уместились гидропланы и подводные лодки, джазовые оркестры и эзовские «шарашки», чемпионки Олимпийских игр по гребле на байдарках и укротительницы тигров, титовские гайдуки и латышские стрелки, кариатиды, автомобили, летательный аппарат, сделанный по чертежам Леонардо да Винчи. Стилистика самого здания определяет и эстетику романа: «Советские архитекторы и скульпторы, создавшие и украсившие эти строения, недвусмысленно подчеркнули свою связь с великой традицией, с творениями таких мастеров "Золотого века Афин", как Иктинус, Фидий и Калликратус. Эта связь времен особенно заметна в том жилом великаны, что раскинул свои соединенные воедино корпуса при слиянии Москвы-реки и Яузы... Возьмите его центральную, то есть наиболее возвышенную часть. Циклопический ее шпиль зиждется на колоннадах, вызывающих в культурной памяти афинский Акрополь с его незабываемым Парфеноном, с той лишь разницей, что роль могучей городской скалы здесь играет само гигантское, многоступенчатое здание, все отроги которого предназначены не для поклонения богам, а для горделивого проживания лучших граждан атеистического Союза Республик».

Сюжет романа представляет пример альтернативной истории. Сталин, поссорившись с Тито, создает для борьбы с югославскими гайдуками особую группу во главе с поэтом и офицером ГРУ Кириллом Смелчаковым. В то же время бывший герой-полярник, а затем боснийский партизан Георгий Моккинаки готовит покушение на Сталина. Помогают ему в этом югославские гайдуки и Лаврентий Берия. В финале выясняется, что именно таким прихотливым

образом Берия решает захватить власть. Две эти линии сплетаются воедино благодаря любовной интриге. Смелчаков и Моккинаки влюблены в Глику. Напряжение между романтическим сознанием и его разрушением, между жадой идеала и упоением весельем и абсурдным хаосом далеко не идеального существования характерно практически для всех аксеновских романов.

Причудливая вязь романа «Москва-кваква» напоминает джаз, столь любимый Аксеновым. Свинговая пульсация, синкопы, импровизации многое объясняют и в заглавии, и в ритмических и сюжетных сбивках текста. Персонажи и темы прежних книг становятся джазовым ритмическим рисунком — от генерала Никиты Градова из «Московской саги» до затоваренной бочкотары, от джазовых свинов из «Ожога» до рассуждения об идеальном государстве из «Вольтерьянцев и вольтерьянок». Не случайно критики, воспринявшие аксеновский роман настороженно, с иронией отмечали, что писатель стал открывателем нового жанра «лирико-иронического ретромифокитча». «Человек хочет повторения, копирования, обретения бессмертия через плоть, а не через дух, — метод клонирования искушает. <...> Человек, достигший высокого профессионального уровня в литературе, незаметно для себя может перейти на автопилот. Авто-матическое пилотирование в литературе подразумевает следование собственному бессознательному, освобождающему от инноваций»², — эти точные слова критика Н. Ивановой помогают поставить диагноз не только прозе сегодняшнего Аксенова, но и произведениям многих шестидесятников.

В недавней статье Аксенов, размышляя о судьбе романа вообще, дает определение особому роману самовыражения: «Специфическими чертами романа самовыражения являются его открытость ("даль свободного романа"), его постоянное обращение к читателю с приглашением к соавторству или по крайней мере к собутыльничеству; они создавали уникальную стилистику, завораживающую поклонников жанра. "Ну и о чем эта ваша фикшн, эти романы?" — спрашивают романиста. Он мямлит, смущенно растягивает слова: «Трудно, знаете ли, так сразу сказать. Это, в общем-то, романы самовыражения». Собеседник изумлен: "Са-

мо-вы-ра-же-ния? Пишете книги о самом себе? У вас какая-нибудь захватывающая история за плечами?» Романисту тут ничего не остается, как нахлобучить шляпу и слиться»³. Еще одним примером «романа самовыражения» стала последняя книга Василия Аксенова «Редкие земли», опубликованная весной 2007 г.

Действие романа разворачивается в 1990-е гг. Главный герой — олигарх с необычным именем Ген Стратов, основатель и хозяин огромной корпорации «Таблица-М». Его биография прозрачно намекает на историю М. Ходорковского.

Интерес В. Аксенова к возникновению, формированию, сосуществованию с властью и уничтожению этой властью олигархов вписывается в тенденции современной литературы, причем не только элитарной, но и массовой. Достаточно перечислить несколько произведений последних лет, чтобы понять, что олигарх — поистине новый герой литературы:

Ю. Дубов «Большая пайка» (сценарный вариант — «Олигарх»), В. Громов «Компромат для олигарха», Н. Татищев «Лохотрон для олигарха», С. Майоров «Олигарх», Ф. Волков «Олигарх с большой дороги», Ч. Абдуллаев «Наследник олигарха», И. Рясный «Ловушка для олигарха» и др. Но если во всех этих триллерах и политических детективах рисуется довольно примитивный, ходульный образ, построенный по стереотипам скандальных публикаций в «желтой прессе», некоего обобщенного олигарха, то Михаил Ходорковский стал прототипом нескольких произведений. Так, В. Панюшкин в своей книге «Узник тишины» из дела «Юкоса» создает псевдодокументальный роман. А для рекламной кампании романа Т. Устиновой «Олигарх с Большой медведицы» издательство «Эксмо» придумало мини-сенсацию, объявив, что Устинова вытащила М. Ходорковского из тюрьмы. Действительно, герой романа — Дмитрий Белоключевский, вышедший из тюрьмы и переживающий крушение внутреннего и внешнего мира, который был связан с корпорацией «Черное золото». Примечательно, что Устинова, не скрывая связь своего героя с реальным прототипом, отмечала в интервью: «Я придумала продолжение жизни для персонажа, которого увидела по телевизору». Аксенов из того же материала создает фантастическую сказку. «Главным дви-

гателем аксеновского мира становится изменение категории свободы: свобода от чего? Свобода ради чего? Каковы возможные формы свободы? Цена свободы? — эти вопросы возникают в каждом новом тексте Аксенова», — эти слова критиков М. Липовецкого и Н. Лейдермана можно отнести и к новому роману.

«Редкие земли» — это такой геологический термин, обозначающий редкоземельные элементы, — рассказывал о своем замысле Аксенов, — для них в таблице Менделеева было 17 незаполненных клеточек. Сейчас они все заполнены, все элементы существуют и играют важнейшую роль в сплавах, без которых невозможно развитие индустрии». Объясняя название своей книги, Аксенов замечает, что «она о редкости во всем»: «Скажем, наша планета — редкость во Вселенной, а люди сами по себе — это редкие обитатели Солнечной системы. Среди обитателей нашей планеты есть редкие люди, и мои герои как раз принадлежат к этой категории». Писатель признался, что всегда старается включать в свои прозаические тексты ритмические строки. В новом романе — 17 стихотворений, по числу редкоземельных элементов таблицы Менделеева. По словам писателя, герои нового романа занимаются разработкой этих редкоземельных элементов в корпорациях, которые сами для этого создали.

Аксенов одним из первых в «Ожого», «Затоваренной бочкотаре», «Острове Крым» обнаружил, что советский мир абсурден и нереален, это модель, пригодная лишь для игры, для сказочного вымысла. В последнем романе постсоветская реальность приобретает те же узнаваемые черты советского мира, в котором может произойти любая фантазмагория. Поэтому столь сказочным и чудесным оказывается организованный женой Гена Стратова и его близкими побег из тюрьмы «Фортетия».

Нередко советская утопия превращается у Аксенова в разновидность детской сказки. Не случайно авантюрное переосмысление стереотипов советского масскульта появляется в 1970-е гг. в двух сказочных повестях для детей «Мой дедушка — памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». Любитель играть со своими же героями, Аксенов производит в олигархии героя повести «Мой дедушка — памятник»

пионера 1970-х Старатофонта, чуть укоротив его фамилию до Стратов.

Стиль Аксенова — ироничные рассуждения о временах былых в контексте времени современного. В новом романе «Редкие земли» Аксенов иронически сводит счеты с комсомолом. Его главные герои — чета Ген и Ашка — выходцы из верхов комсомольской элиты. Кроме метафоры «редкие земли», важным образом становится столь же редкое растение тамариск: «Основным растением Биаррица является тамариск. Удивительные деревья, искривленные и раскоряченные. Иной раз разверстые, словно выпотрошенные рыбы, они открывают во всю свою небольшую, ну, максимум метра три-четыре, высоту продолжные кавернозные дупла. Создается впечатление, что они и стоят-то исключительно на одной своей коре, через нее получая питательные соки и исключительную, учитывая частые штормы, устойчивость. Поднимите, однако, руку и погладьте тамарисковую хвою, этот своего рода деликатнейший укроп; вряд ли где-нибудь еще вы найдете столь удивительную нежность и свежую романтику. Получается что-то вроде нашего исторического комсомола». Подчеркивая значимость этого образа, автор поясняет читателю: «Читатель, должно быть, заметил, что автор, включенный в сюжет, в силу своего спонтана постоянно находится на грани самопровокации. Достаточно уже сказать, что оригинальное название "Тамарисковый парк", которое возникло в связи с задумчивыми прогулками по тамарисковым аллеям, через полсотни страниц было подвешено на крюке вопросительного знака и вскоре превратилось из титула сначала в название файла, а потом в первую главу. "Редкие земли" выскочили только после того, как число страниц перевалило за сотню, когда понадобилось заменить нефть и газ на что-то необычное и космическое».

Еще один полноправный герой романа — двойник автора русский литератор Базз Петропавлович Окселотл, этакий рыцарь Ланселот (Оксе (Аксенов)лот). Он живет в курортном городке Биаррице на юге Франции (там, действительно, находится дом и кабинет писателя Василия Аксенова, отмечавшего в интервью, что его дом там, где рабочий стол). Гуляя по пляжу и наблюдая за отдыхающими, он начинает придумывать,

кто же будет главным героем новой книги: «Я еще не определил, куда направить, условно говоря, перо: к историческим ли хроникам погубившего партию комсомола или к тамарисковым аллеям юго-запада Франции, в которых бродит молодежь современной Европы, а то, может быть, и расширить сеттинг романа до пространств Африки и Сибири, то есть придать ему, да-да, вот именно, поистине планетарное или, скажем, онтологическое звучание». Эти размышления и дальнейшая причудливая композиция опять же возвращают к законам столь любимой Аксеновым джазовой импровизации. Этот прием, характерный для «Москвы-ква-ква», повторяется и здесь. Роман так же населен героями предыдущих произведений Аксенова, ими, например, оказывается забита тюрьма «Фортелция», где отбывает наказание Ген. Они же, многочисленные герои, бегут вместе со Стратовым: «Из секции "Ожег" явились слегка заиндевшие от забвения Аполлинариевичи. В составе 284 персонажей колонной, как и полагается в эпосе, прошло население трилогии. Там и сям во внутреннем дворе долгосрочного изолятора мелькали физики-лирики, обитатели Золотой Железки, и дерзостные герои любовной драмы "Андрей и Татьяна" (подзаголовок "Остров Крым"), и все мои любимые олухи, сидящие в бочках диогены Рязанщины».

К началу повествования Стратов находится в тюрьме, куда его засадили «прокурения» Колосниченко и ее помощники, подполковник Усач, майор Аль-Бородач, капитаны Гопелкина и Скрамнопятская. Именно в тюрьме Стратов вспоминает день за днем становление своего дела, вспоминает свою счастливую жизнь с любимой Ашкой, настоящей Хозяйкой корпорации, боевым товарищем. «Такие бабы, как она, когда-нибудь начнут новый женский век правления России, то есть спасут эту родину-идиотку», — говорит один из героев.

Ашка, приезжая в тюрьму на свидания к Гену и продумывая детали побега, каждый раз не может смириться с тем, что случилось с ее мужем: как могли арестовать «этого умницу и одновременно сумасброда, в башке которого то и дело рождались всякие утопические проекты процветания его любимой Африки! Этого смельчака, который стал одним из главных заводил самой вдохновенной в российской истории

революции-контрреволюции! Зачинателя до сих пор еще непостижимого движения редкоземельных элементов! Собирателя редкоземельных характеров в одну непрогибающуюся группу великолепных друзей!»

После поистине фантастического побега из тюрьмы во Францию Ген Стратов все же возвращается в Россию, что для него равносильно возвращению в тюрьму, по которой он, удивляясь сам, стал скучать в роскоши Лазурного берега: «Там, в крыжке, меня все время посещали картины прошлого. Хронологически шла полнейшая каша, однако картины эти всякий раз проявлялись с какой-то обалденной яркостью, с массой деталей, возрождались все ощущения прошлого, вплоть до ускользающих, тогда еще не понятных. Как будто я проживал свою жизнь заново, но с большей ценностью всех моментов». Прощаясь со своей любимой женой Ашкой, бывшей однокурсницей Наташкой Вертопраховой, ныне — хозяйкой миллиардной империи, Ген говорит: «Четверть века вместе, но больше, как видно, уже не вмоготу. Особенно, если ты не серийный продукт, а редкая штучка. Если ты из семьи лантанидов. Редкоземельная пыль. Если вдвоем сначала породили некий гибкий металл, а потом распались для будущих сплавов. ... мы начинали свои дела, не зная к чему они приведут. Из недр тоталитарного комсомола мы начали наш поход к такой чепухе, как граж-

данское общество, а пришли к такой чепухе, как миллиардное состояние. Мы развотили общую тюрьму, чтобы потом развотить и нашу личную тюрьму, набитую персонажами текущей литературы. Из детской веселой игры мы пришли к абракадабристикой игре взрослых. Трилогия завершается. Все».

В 1990-е гг. В. Аксенов выпустил сборник рассказов с очень симптоматичным заглавием «Негатив положительного героя», в нем автор ставил диагноз новому герою новой России. В какой-то степени новый роман явно продолжает поиски ответов на вопросы времени. Только ответы почему-то автор не находит или не формулирует, закрываясь маской вечно итракщего и иронизирующего Окселотла. Герой «разбежался от отсутствия идеологии-веры, от жажды баночного пива, денег и гражданского общества, в котором каждый ходит с неравномерно толстым бумажником, а лучше всех ходят те, у кого потолще. Каждый тянет в свою сторону, и автору ничего не остается, как стать одним из них». «Сейчас, по прошествии трехсот двадцати одной страницы, нужно откинуться в кресле и сообразить, что происходит со строптивцами», — признается автор в эпилоге. По всей вероятности, о том, что происходит не только с новым героем, но и с современным писателем в нашем веке, придется догадываться читателю.

Примечания

1. Ремизова М. Детство героя: Современный повествователь в попытках самоопределения // Вопросы литературы. 2001. № 2.
2. Иванова Н. Клондайк и клоны. Заметки о способах литературного размножения // Знамя. 2003. № 4.
3. Аксенов В. Чудо или чудачество. О судьбе романа // Октябрь. 2002. № 8.

А. С. Роботова,
профессор кафедры педагогики

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЖУРНАЛАХ: о духовности, хлебе насущном, молодежных ценностях, воспитании

Ставшее общим местом в современном гуманитарном сознании положение о диалогичности текста, о его двусубъектной природе сыграло с Вашим автором злую шутку... Диалог (вопросы к автору по поводу предшествующих публикаций, сомнения, возражения, просто реплики) захотелось просто услышать,

воспринять его как слово звучащее, а не мыслимое, воображаемое. Но его не было, и это повлияло на снижение мотивации «писательской» деятельности, на ее активность.

Однако шло время... Воспринимаемой информации становилось все больше. Ей становилось тесно в моем сознании, и снова захоте-